

Выпускники Царскосельского лицея во главе губерний накануне отмены крепостного права

Николай Алексеевич Могилевский

Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Россия
n.mogilevskii@inno.mgimo.ru
ORCID 0000-0003-3186-6256

Аннотация. В первой половине XIX века насущной задачей российской верховной власти являлось повышение профессионального уровня бюрократии, прежде всего губернаторского корпуса. Во многом для ее решения был открыт Царскосельский лицей, выпускники которого прочились на гражданскую службу. В статье, на основании впервые вводимых в оборот архивных материалов, автор прослеживает, как смогли себя зарекомендовать бывшие лицеисты, служившие губернаторами, на рубеже 1850–1860-х, в период подготовки Великих реформ, когда особенно требовались квалифицированные чиновники всех рангов.

Ключевые слова: Царскосельский лицей, губернаторы, Беклемишев, Струве, Клингенберг, внутреннее управление.

Для цитирования: Могилевский Н. А. Выпускники Царскосельского лицея во главе губерний накануне отмены крепостного права // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2022. № 3 (76). [С. 13–25. DOI: 10.37724/RSU.2022.76.3.002.](#)

Original article

The Graduates of the Imperial Lyceum as Governors on the Eve of the Emancipation Reform

Nikolay A. Mogilevsky

Moscow State University of International Affairs of the Ministry of Foreign Affairs
of the Russian Federation, Moscow, Russia
n.mogilevskii@inno.mgimo.ru
ORCID 0000-0003-3186-6256

Abstract. In the first half of the 19th century, one of the urgent tasks of Russian authorities was to ensure governors' and other officials' professionalism and efficiency. The Imperial Lyceum whose graduates were expected to occupy positions in the government, was created to solve this urgent task. The article analyzes previously uninvestigated archival materials. The author of the article attempts to trace lyceum graduates' careers as governors in the 1860s during the Great Reforms when qualified and efficient officials were highly needed.

Keywords: Imperial Lyceum, governors, Beklemishev, Struve, Klingenberg, local government.

For citation: Mogilevsky N. A. The Graduates of the Imperial Lyceum as Governors on the Eve of the Emancipation Reform. *The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin*. 2022; 3 (76):13–25. (In Russ.). DOI: [10.37724/RSU.2022.76.3.002.](#)

Введение

Проблема повышения профессионального уровня российской бюрократии стояла довольно остро перед высшей властью в первой половине XIX века. Специализированных учебных заведений, выпускников которых целенаправленно готовили бы к «статской» службе, попросту не существовало, хотя учредить подобное заведение власти пытались неоднократно [Кобеко, 1911, с. 7–8]. Ситуация изменилась в 1811 году, когда свои двери распахнул Царскосельский лицей, изначально задуманный как «кузница кадров». В Постановлении о Царскосельском лицее от 12 августа 1810 года была обозначена цель нового учебного заведения: образование юношества, «особенно предназначенного к важным частям службы государственной». Специально подчеркивалось, что «курс учения состоит из предметов, приличных важным частям государственной службы и необходимо нужных для благовоспитанного юноши» [Полное собрание ... , 1810, № 24328]. В 1829 году было объявлено высочайшее повеление: «Императорский Царскосельский лицей, долженствующий отныне иметь предметом образование воспитанников только для статской службы...» [Селезнёв, 1861, с. 184].

Высшая власть стремилась повысить профессиональный уровень чиновничества: это было критически важно для эффективного управления огромной державой, однако все предыдущие попытки проваливались. Царскосельский лицей стал первым удачным опытом в этом направлении: за 33 года существования лицей выпустил 286 человек, из которых на гражданскую службу пошли 234 [Кобеко, 1911, с. 276]. Правда, вопрос об уровне их практической подготовленности все же остается открытым. Один из самых блестящих выпускников лицея, академик Я. К. Грот (старший брат самарского губернатора К. К. Грота и однокашник героев этой статьи — А. П. Волкова, И. Х. Бреверна и М. Н. Похвиснева), вспоминал, что «слишком большое разнообразие предметов, которые нам преподавались, и какое-то смещение гимназического курса с университетским вредили основательности учения...». Само назначение лицея, по мнению Я. К. Грота, «благоприятствовало поверхностно-энциклопедическому учению» [цит. по: Кобеко, 1911, с. 288, 296]. Качество образования в лицее могло вызывать вопросы, но что было бесспорно — это нравственные ориентиры и моральные представления, усвоенные выпускниками этого учебного заведения. По словам Д. Ф. Кобеко, «Царскосельский лицей дал всем своим питомцам глубокое убеждение, что они воспитаны были для “общей пользы”» [Там же, с. 478].

Поэтому, несмотря на некоторые недостатки образовательной модели лицея, его питомцы, уравненные «в правах и преимуществах своих» с выпускниками университетов, безусловно, составляли элиту российской бюрократии. Само собой, практически все бывшие лицеисты видели свою карьеру исключительно в столичных министерствах и ведомствах ¹ — отправиться добровольно в провинцию после лицея решались единицы. Это вполне вписывалось в общую картину. «Образование, знатность происхождения, высокий чин, более высокое жалование были общими признаками служащего центральных ведомств», — замечает У. Пинтнер. В провинции же почти не было людей с высшим образованием, «кроме небольшой группы тех, кто был отправлен туда из центра» [Pintner, 1980, p. 228]. Таким образом, недостаток образованных, подготовленных именно к гражданской службе чиновников наиболее остро ощущался прежде всего в регионах.

В николаевской России на гражданской службе предпочтение отдавалось военным — выходцы из армии занимали ключевые посты во всех сферах управления. По подсчетам О. В. Моряковой, из 93 губернаторов, сменившихся за 25 лет николаевского правления в 15 губерниях, 60 (64,5 %) были отставными военными [Морякова, 1998, с. 42]. Зачастую, имея лишь домашнее образование ², они оказывались не вполне готовы к тяжелой и трудоемкой статской службе. Существовало и другое обстоятельство. Получив воспитание в армии, они иной раз переносили на гражданскую службу привычные себе модели отношений с подчиненными и просителями: «Часто при решении государственных дел не обходилось без испытанного средства — мордобоя. <...> Вообще кулачные расправы практиковались многими губернаторами без всяких на то оснований, просто для профилактики и острастки» [Морякова, 1998, с. 44].

Именно поэтому появление губернаторов из бывших лицеистов, с полноценным гражданским образованием и, главное, с иными этическими установками, стало событием огромной важности и для регионов, и для центральной власти. Эти чиновники новой волны постепенно меняли социальный и морально-этический облик губернаторского корпуса. К сожалению, до сих пор эта тема специально в историографии не освещалась ³. В рамках настоящей статьи основное внимание будет уделено следующим вопросам: 1) морально-этическая модель поведения губернаторов-лицеистов и 2) их основные достижения на губернаторском посту. Выбор предреформенного периода обусловлен тем, что в эту эпоху высшие власти стали обращать пристальное внимание на обновление корпуса служащих на всех уровнях — особенно это касалось губернаторского корпуса.

Основная часть

¹ Уже к середине 1850-х годов среди высокопоставленных чиновников Министерства внутренних дел было 15 % лицеистов [Orlovsky, 1980, p. 264].

² В 1853 году из 48 губернаторов высшее образование (университет, лицей, корпус инженеров путей сообщения) было у 9, среднее — также у 9, домашнее — у 30 [Зайончковский, 1978, с. 352].

³ Губернаторы-лицеисты удостоились некоторого внимания историков. Скажем, А. П. Бакунину уделены две страницы в сборнике «Тверские губернаторы», существует также книга «Тверской губернатор Александр Петрович Бакунин», которая, впрочем, представляет собой, по сути, компиляцию разных документов (причем без научного аппарата), а не научный труд (см. : [Сысоев, 2004]); М. К. Клингенбергу посвящены три страницы в исследовании о руководителях Рязанского края, что, конечно, тоже не может считаться полноценным исследованием (см.: [История рязанской власти ... , 2008]). Имеется и биография Я. В. Ханькова, но она касается в основном его научных достижений (см.: [Матвиевская, 2006]).

Морально-этическая модель поведения

В рассматриваемый период (1855–1861 годы) в разных регионах империи служили губернаторами девять бывших лицейцев: А. П. Бакунин (Тверь, 1842–1857), Я. В. Ханьков (Оренбург, 1851–1856), А. П. Волков (Полтава, 1853–1866), К. К. Грот (Самара, 1853–1860), М. Н. Похвиснев (Вильно, 1857–1863), А. П. Беклемишев (Могилев, 1857–1868), И. Х. фон Бревен (Курляндия, 1858–1868), М. К. Клингенберг (Рязань, 1858–1859; Вятка, 1859–1863), Б. В. Струве (Астрахань, 1859–1861) [Губернии Российской империи ... , 2003]. Само собой, не все губернаторы из бывших лицейцев оставили после себя яркий след: кто-то просто тихо управлял вверенной ему губернией, стараясь не допустить скандалов и лишнего шума. Другие, наоборот, вели себя энергично, активно, стремясь реформировать те или иные области управления⁴. Однако на них на всех исправно составлялись отзывы и характеристики, анализ которых и позволяет сделать выводы о морально-этической составляющей их манеры управления.

В Государственном архиве Российской Федерации, в фонде III Отделения Императорской канцелярии, сохранились весьма любопытные источники, которые до настоящего момента практически не привлекали внимания исследователей, — «Сведениях о лицах, находящихся в губернии, которые по занимаемым или должностям, или по званиям имеют влияние на окружающих». Составлять эти «Сведения» было предписано еще в 1832 году (секретное предписание № 278 по Корпусу жандармов), а подавались они из губерний в столицу на имя шефа жандармов дважды в год (как правило, в январе и июле) за подписью местного жандармского штаб-офицера.

«Сведения» представляют собой своеобразные досье на все сколь-нибудь значимые фигуры губернии — прежде всего, на губернатора. Особую ценность этим материалам придают соображения жандармских офицеров о том или ином лице, изложенные там же. Они касались профессиональных навыков и компетенций, характера, умонастроений, привычек, морального облика и даже внешности. Для исследователя очень важно, что жандармы никак не зависели ни от губернаторов, ни от Министерства внутренних дел, а потому могли не опасаться высказывать в донесениях все, что считали нужным, не ретушируя действительность и не смягчая критику, что делает этот источник невероятно ценным.

Бывшие лицейцы удостаивались от жандармов похвал: например, полтавский губернатор А. П. Волков «благонамеренным образом мыслей и безукоризненной жизнью распространяют полезное влияние вообще на все сословия»; кроме того, он «к учреждениям правительства старается внушить всем доверие», а «к просьбам просителей внимателен, всем доступен и за то вообще любим в губернии» [ГАРФ. Ф. 109. Оп. 19 (1-я экспедиция). Д. 247, ч. 36. Л. 72, 86].

Виленский губернатор М. Н. Похвиснев также удостоился похвалы от жандармского офицера. Фактически возглавив губернию еще в июне 1857 года (из-за болезни прежнего губернатора А. И. Росета, при котором Похвиснев был вице-губернатором), он с первых же шагов «показал себя деятельным и способным и приобрел общую любовь всех чиновников» [ГАРФ. Ф. 109. Оп. 19. Д. 247, ч. 4. Л. 150]. Дальнейшие наблюдения жандарма подтверждали первые впечатления: исполняющий должность губернатора «при отличных способностях в короткое время ознакомился совершенно со своей должностью и исполняет ее отлично и добросовестно, в обхождении с чиновниками несколько горяч без неприятных, впрочем, для них последствий. С жителями, и в особенности с дворянами, приветлив, внимателен и справедлив, почему все им довольны. Живет тихо» [Там же. Л. 154].

Служебное рвение бывшего лицейца оценили не только в III Отделении. Непосредственный его начальник — виленский, гродненский и ковенский генерал-губернатор В. И. Назимов — в письме министру внутренних дел С. С. Ланскому в сентябре 1857 года сообщал, что вице-губернатор Похвиснев, «который уже седьмой месяц замещает отсутствующего Росета», «успел приобрести общее к себе доверие и уважение». «Смело рекомендую Вашему Высокопревосходительству этого достойного чиновника, особенно полезного для службы в здешнем крае», — писал далее Назимов, прося министра исходатайствовать у императора для Похвиснева назначение виленским губернатором и производство в чин действительного статского советника [РГИА. Ф. 1284. Оп. 41. 1857 г. Д. 149. Л. 1–1 об.]. Высочайшее согласие последовало, и 1 ноября 1857 года Похвиснев был назначен виленским губернатором.

⁴ Самым ярким губернатором-лиценстом был, безусловно, К. К. Грот, считавшийся одним из лучших чиновников середины XIX века. Недаром он заслужил пристальное внимание со стороны современников и ученых, поэтому в предлагаемой статье о нем речь идти не будет. Подробнее см.: [Константин Карлович Грот ... , 1915 ; Алексушин, 1996, с. 55–68 ; Он много сделал ... , 2014 ; Могилевский, 2022, с. 374–443].

В Могилевской губернии другой лицеист, А. П. Беклемишев, также производил отличное впечатление: «...Просители имеют к нему свободный доступ, и он с терпением выслушивает просьбы их, кратко объясняет, если по которой найдет невозможность исполнения... <...> женат, имеет 4-х детей, жизнь ведет весьма приличную своему месту, но без особой роскоши, употребляя много времени для занятий, бывает в обществе не часто. Мнение всех классов людей в губернии совершенно в его пользу» [ГАРФ. Ф. 109. Оп. 19. Д. 247, ч. 26. Л. 72–72 об.].

Управляющий Рязанской губернией Ф. К. Клингенберг быстро успел зарекомендовать себя как человек высоких моральных качеств. Многие отмечали его «ласковое обращение с просителями и внимательное выслушивание просьб им». Неудивительно, что Клингенберг «с каждым днем более и более» приобретал «общественное расположение» и симпатии [ГАРФ. Ф. 109. Оп. 19. Д. 247, ч. 38. Л. 56]. Точно так же и на новом месте службы в Вяткеон «с самого вступления в эту должность обращает особое внимание на служебные действия и нравственность должностных лиц губернии. Деятелен и беспристрастен в своих действиях», а «все вообще сословия губернии имеют к нему свободный доступ по своим просьбам, которые и удовлетворяются всегда законным направлением» [Там же. Д. 247, ч. 10. Л. 75 об., 83 об.].

Астраханский губернатор Б. В. Струве тоже производил отличное впечатление: «Полный здоровья и энергии, при отличном образовании, полученном в Александровском лицее⁵, обладает всеми лучшими качествами как начальника, так и человека. Умный, с сердцем добрым, правилами честными, справедливый и неутомимо деятельный по служебным обязанностям своим, доступен для каждого из просителей и всегда готовый помочь страждущему и обездоленному, в обращении внимателен и терпелив с просителями, кроток с подчиненными, вежлив и деликатен со всеми, а потому этими прекрасными качествами заслужил от тех людей, которые вполне его понимают, любовь и уважение, а с тем вместе пользуется безграничным уважением и в семейном быту как примерный муж и отец. Г. Струве не имеет никакого состояния и, по словам его, живет одним только жалованьем, а потому ведет жизнь скромную, но с тем вместе приличную по званию и занимаемому месту, в известные торжественные дни делает он официальные обеды и по временам небольшие вечера» [ГАРФ. Ф. 109. Оп. 19. Д. 247, ч. 2. Л. 11].

Наконец, по сообщению жандармского офицера, начальник Курляндской губернии И. Х. фон Бреверн «подаёт собою пример честности, благочестия и благонамеренности». «При скромном образе жизни губернатор остался далеким от общества, и потому мало приобрел влияния», хотя и научился «хорошо ладить» с дворянством [ГАРФ. Ф. 109. Оп. 19. Д. 247, ч. 21. Л. 43].

Деятельность по управлению губернией

В рамках курсов, читавшихся в лицее, были юридические науки: кроме римского права, истории российского законодательства, российского гражданского и уголовного права, судопроизводства, преподавалось также судоустройство и делопроизводство, в котором подробно рассказывалось о гражданской службе, о высших правительственных учреждениях, об органах губернской власти (о губернском правлении, палатах), об уездных городских учреждениях, о письменном делопроизводстве с «практическими упражнениями» [Селезнёв, 1861, с. 339–342]. Лицеисты основательно готовились к гражданской службе, и высшая власть рассчитывала, что те применят полученные в годы учебы знания на практике ради пользы всего государственного устройства и отдельных его частей. Надо сказать, что далеко не все бывшие лицеисты зарекомендовали себя убежденными реформаторами⁶, но некоторые из них, ставшие губернаторами, все же стремились привнести улучшения в систему местного управления⁷.

Среди таковых, прежде всего, стоит назвать начальника Могилевской губернии А. П. Беклемишева. К моменту назначения он уже имел богатый административный опыт, прослужив вице-губернатором в Архангельской (1847–1849), Черниговской (1849–1854) и Курляндской (1854–1857) губерниях. В Могилеве Беклемишев тотчас энергично взялся наводить порядок: «При образовании и прекрасном взгляде на дела весьма деятелен, и потому в короткое время он успел уже исправить некоторые вкравшиеся беспорядки в губернии, присутственные места заметно скоро исполняют требования других мест и просьбы частных лиц, не остаются долгое время без удовлетворения; им [Беклемишевым] смещены некоторые чиновники в губернском и уездных

⁵ Так с 1843 года, после переезда в Петербург, именовался Царскосельский лицей.

⁶ Ничем не запомнился полтавчанам губернатор Похвиснев, а курляндский правитель Бреверн заслужил такую характеристику от жандармского офицера: «...Вял по должности, мелочен в делах и вообще лишен энергии. В таковом благоустроенном крае, какова Курляндия, он, конечно, без вреда занимает свою должность, но в другом месте вряд ли соответствовал бы такому назначению» [ГАРФ. Ф. 109. Оп. 19. Д. 247, ч. 21. Л. 43].

⁷ Как уже было сказано, образцом такого рода служил самарский губернатор К. К. Грот.

присутственных местах, в действиях которых заметил неблаговидность» [ГАРФ. Ф. 109. Оп. 19. Д. 247, ч. 26. Л. 72–72 об.].

Смещенных чиновников губернатор старался заменить людьми «новой формации», о чем с гордостью доносил начальству: «...Административная часть в Могилевской губернии начинает улучшаться, благодаря преимущественно замещению открывающихся вакансий чиновниками образованными и с благородным направлением, которые усердием и добросовестностью стараются оправдать оказанное им доверие...» [ОР РНБ. Ф. F-IV. Д. 641. Л. 107]. Правда, не все кадровые решения Беклемишева можно было считать удачными, полагал местный жандарм: «...С подчиненными обращается прилично его званию, даже ласково, но, к сожалению, из числа чиновников, приближенных к нему службой, нашлись такие, которые под личиной бескорыстия вкрались в его доверенность и согласно своим видам выставляют за достойных чиновников тех, которых неблаговидные действия заслуживают порицания, и предубеждают против тех, которых поступки хотя и не могут быть совершенно оправданы, но не заслуживают строгого взыскания, что уже видно при ревизии им в этом [1858] году губернии; но есть надежда, что при желании быть справедливым и вполне полезным для края он поймет и оценит этих людей и вредные их действия совершенно прекратятся» [ГАРФ. Ф. 109. Оп. 19. Д. 247, ч. 26. Л. 72–72 об.].

Прекрасно понимая, что одной из главных проблем в деле привлечения в провинцию хорошо подготовленных и образованных молодых людей является низкое жалование, Беклемишев, наряду с наиболее прогрессивными губернаторами (В. А. Арцимовичем, К. К. Гротом и др.), настаивал: необходимо повысить служащим жалование. Эта мера даст провинциальным чиновникам «возможность служить вполне честно», истребив тем самым другую главную беду русской провинции — взяточничество и казнокрадство служилого класса [ОР РНБ. Ф. F-IV. Д. 641. Л. 107 об.].

Амбиции Беклемишева простирались дальше элементарного наведения порядка в присутственных учреждениях. В отчете о состоянии губернии за 1859 год он предложил, по сути, целую программу реформ местного управления. Констатируя, что изначальная идея ограничить всевластие губернатора коллегиальным губернским правлением потерпела полное фиаско, могилевский губернатор, «чтобы соединить выгоды коллегиального и бюрократического устройства», предлагал «сохранить первое только относительно дел более важных, касающихся общих вопросов, а не тех, которые решаются на основании положительных законов и не требуют многостороннего обсуждения, подчинив сии последние решению порядком бюрократическим и упростив при том самые формы делопроизводства» [ОР РНБ. Ф. F-IV. Д. 641. Л. 4–4 об.].

Идея Беклемишева сводилась к кардинальному реформированию губернского правления: «Соединение всех административных губернских присутственных мест в одно общее губернское управление и оставление коллегиального порядка делопроизводства только для дел существенных». «Мера эта, — полагал бывший лицеист, — упростив всю губернскую администрацию, дала бы более правильное и быстрое движение делам и предоставила бы возможность увеличить содержание губернских чиновников без издержек со стороны казны» [ОР РНБ. Ф. F-IV. Д. 641. Л. 98–98 об.].

Однако довольно скоро у Беклемишева нашлись и оппоненты. Его манера наведения порядка одних восхищала, а других ужасала и возмущала. В октябре 1858 года некто Н. Ярошевский писал из Могилева: «Все отсюда бегут. Да и не мудрено — до такой степени развилось шпионство в губернии, что все, что только ни делается, даже говорится где-либо в губернии, на другой же день известно Беклемишеву. Если кварташка [квартирный надзиратель] где-нибудь добудет четвертак, и то известно Беклемишеву. Удивительная система!! <...> Если бы, положим, доносили справедливо, это бы, может быть, было и хорошо, но ведь редкий доносчик говорит правду — а особенно тому, кто любит доносы, — и представь себе, от этого зависит участь бедных, семейных чиновников. Наконец, что мне показалось всего страшнее: при этой принятой системе ходит всеобщая в Могилеве молва, что никогда, ни при одном губернаторе служащие не брали столько взяток, как теперь! Неправда ли, очень смешно?! Как бы то ни было, но ты сам видишь, трудно при этой обстановке здесь служить, и поэтому умоляю тебя ради самого Бога, не откажи мне в своем покровительстве и переведи меня в другую губернию» [ГАРФ. Ф. 109. Оп. 1. Д. 312. Л. 1–1 об.].

Сам Беклемишев трактовал противодействие своим методам как элемент сопротивления чиновников «старой школы», не желавших сдаваться без боя. «Вот уже 2,5 года, что я в Могилеве, — писал он в июле 1860 года знакомому в столицу. — С самого начала завязалась у меня борьба с злоупотреблениями в разных отраслях губернской жизни и администрации; было все: и тайное противодействие, и открытая оппозиция, но до сих пор дело шло успешно. Теперь губерния стоит на той точке, что она готова принять новое направление, но, как всегда бывает в мире физическом и мире нравственном, во время агонии бывает минутная вспышка, которая при известных

обстоятельствах может остановить смерть. Так и здесь, кажется, элементы противодействующие соединились для последнего усилия против порядка и меня, как представителя и поборника его» [ГАРФ. Ф. 109. Оп. 1. Д. 312. Л. 4–4 об.]. К своим оппонентам начальник Могилевской губернии относил прежде всего местного предводителя дворянства, князя С. Е. Любомирского: «...князь Любомирский, как вы знаете, пробовал распустить слух, что я игрок; к несчастью, оказалось, что я не беру карт в руки», а также столичного приятеля князя, некоего Клодницкого: «...я только его влиянию приписываю беспрестанные неприятности, которые имею с департаментом полиции исполнительной [Министерства внутренних дел]» [Там же. Л. 4 об.–5].

В надежде одолеть могущественных и коварных врагов Беклемишев разработал план: «Нужно, чтобы губерния знала, что министерство, правительство одобряют мое управление (а если не одобряют, пусть мне скажут). Но мне нужно, скажу больше, необходимо, чтобы это одобрение было гласное, официальное. Тогда приверженцы старого поймут, что они не могут надеяться на поддержку свыше, что новый порядок не основан на моей личности, а на воле правительства. Все прочие, видя одобрение правительства, пойдут решительно и уже не оглядываясь по новому направлению. Без этого одобрения я буду беззащитен. Я думаю, что взгляд мой правилен (в том предположении, конечно, что мною довольны). Как выразить это одобрение, уже это дело министра. Надеюсь, что меня никто не заподозрит в искательстве наград и отличий; всего было бы для меня важнее, если б мне была объявлена благодарность Государя за управление губернией, сообразное видам правительства (подчеркнуто в источнике. — *Н. М.*)» [ГАРФ. Ф. 109. Оп. 1. Д. 312. Л. 6–6 об.]. Благодарность Беклемишеву император, правда, не объявил, но и в Министерстве внутренних дел, в свою очередь, никакого значения козням оппонентов могилевского губернатора не придали, и Беклемишев благополучно управлял регионом до 1868 года.

Другой противоречивой фигурой зарекомендовал себя рязанский губернатор М. К. Клингенберг. Блестящий выпускник Царскосельского лицея (окончил его с серебряной медалью), он начал свою службу в хозяйственном департаменте Министерства внутренних дел. В министерстве он делал хорошую карьеру: в 1852 году был награжден орденом Святой Анны 2-й степени, в 1853 году стал действительным статским советником, а в 1855 году получил звание камергера [Список гражданским чинам IV класса ... , 1861, с. 241]. В 1858 году Клингенбергу представилась возможность проявить себя на новом поприще: он был назначен (вместо П. П. Новосильцева, дискредитированного крестьянскими выступлениями) гражданским губернатором в Рязань. Появления нового начальника губернии там очень ждали: «В скорейшем приезде действительного статского советника Клингенберга встречается настоящая надобность, сколько потому, что губерния оставлена в управление вице-губернатора, статского советника Веселовского, человека хилого, неспособного...» [ГАРФ. Ф. 109. Оп. 19. Д. 247, ч. 38. Л. 53–53 об.]. Долгожданный губернатор прибыл, наконец, в Рязань и тотчас стал наводить порядок в губернии, которая давно была на плохом счету у петербургского начальства [Гросул, 2011, с. 18–26].

С первых же дней Клингенберг «благоразумными и энергическими действиями» смог разрешить массу застарелых проблем: «уничтожить многие злоупотребления по присутственным местам и, значительно улучшив личный состав чиновников, в особенности полицейских, поселил во всех сословиях доверие в справедливость губернского начальства при решении возникавших дел. Делопроизводство в присутственных местах отправляется быстрее и правильнее, а служащие лица исполняют свои обязанности точнее и бескорыстнее, но важнее всего то, что начинает проявляться в губернии общественное мнение», — замечал местный жандармский офицер [ГАРФ. Ф. 109. Оп. 19. Д. 247, ч. 38. Л. 55].

Много сделал новый начальник и в кадровом вопросе: «...Нынешнее состояние Рязанской губернии значительно лучше прежнего, чему также много способствуют сделанные перемены в личном составе лиц, составляющих губернское начальство. Прежде лихоимство было так всеобщее, что не считалось даже преступлением, требующим преследования, и бескорыстный начальник или чиновник составляли исключение в массе служащих, теперь же взяточничество хоть и гнездится еще в некоторых присутственных местах, но большая часть начальников совершенно безупречны в этом отношении и готовы преследовать лихоимство всеми зависящими от них способами» [ГАРФ. Ф. 109. Оп. 19. Д. 247, ч. 38. Л. 60]. Как и полагается хорошо образованному человеку, губернатор заботился о просвещении. При нем Барыковское училище для девиц было преобразовано в Мариинское женское губернское училище первого разряда; в публичную рязанскую библиотеку исправно поступали новые книги и периодика; в губернии работали три типографии [История рязанской власти ... , 2008, с. 146].

Губернаторство Клингенберга пришлось на начало обсуждения проектов отмены крепостного права. Рязанские помещики, как и дворяне в других областях Центральной России, в основном не желали предоставлять выходящим на волю крепостным достаточных земельных наделов, но всегда в дворянской корпорации находились защитники крестьянских интересов. Поэтому споры в губернском Комитете по улучшению быта крепостных были нешуточными, порой доходившими до крупных ссор и даже потасовок⁸. Дошло до того, что из-за возникших «со стороны некоторых его членов разногласий и произошедшим от сего личностей» [История рязанской власти ... , 2008, с. 146] комитет даже был вынужден приостановить работу на четыре месяца.

«Либеральное крыло» комитета, состоявшее из одного члена от правительства и помещика Сапожковского уезда, известного славянофила А. И. Кошелева (которого сам же губернатор уговорил войти в комитет [Кошелев, 1884, с. 96]), постоянно встречало жесткий отпор со стороны консервативно настроенного большинства. Поэтому, «как только начались заседания и пошли в ходе работы, то не замедлили своим началом и всякого рода интриги» [История рязанской власти ... , 2008, с. 146]. Очень многое в этой ситуации зависело от позиции губернатора. Клингенберг, лично присутствуя на заседаниях, старался гасить бушевавшие страсти, но даже ему это не всегда удавалось. Тогда он пошел на решительные меры: под его давлением из комитета был исключен ярый крепостник М. Д. Маслов, затем его сторонники — князь С. В. Волконский и Ф. С. Офросимов, а потом из-за столкновений ушел в отставку и губернский предводитель А. В. Селиванов. Только тогда «в Комитете водворился порядок», — доносил императору Клингенберг [Там же].

Приятное обхождение с подчиненными и просителями, разумные действия по наведению порядка в делопроизводстве, чистка кадров, забота о просвещении, наконец, деятельное участие в занятиях Комитета по крестьянскому делу и поддержка его «либерального крыла» — все это вселяло в жандармского полковника Ивашенцева надежду, что «Рязанская губерния будет пользоваться благосостоянием, по крайней мере настолько, насколько таковое может зависеть собственно от лица начальника губернии» [ГАРФ. Ф. 109. Оп. 19. Д. 247, ч. 38. Л. 56].

Спустя год полковник был вынужден признать, что ошибся в своих ожиданиях. Обнаруживший в начале своего губернаторства «столько желания ознакомиться с новыми своими обязанностями», Клингенберг, как выяснилось, оказался совершенно не подготовлен к будничной, рутинной бумажной работе. Также ему не хватало «некоторой опытности в делах, меткости и внимательности в распоряжениях, самостоятельности и такта в действиях и, наконец, знания собственно губернской жизни», — сокрушался Ивашенцев. Из-за этого, продолжал жандарм, «с течением времени начали проявляться недовольные, число которых, беспрестанно возрастая, сделалось в последнее время значительно велико, и прежнее почти общее к нему расположение, мало-помалу уменьшаясь, перешло как бы в недоверие к его способности управлять губернией» [ГАРФ. Ф. 109. Оп. 19. Д. 247, ч. 38. Л. 58].

Конечно, «кто близко знает д.с.с. Клингенберга, тот не может не ценить его высоко и не уважать его искренно за благородные его проявления и редкие душевные свойства, но, к сожалению, число таковых лиц очень ограничено; большинство же служащих и живущих в губернии, вполне естественно, не могут знать его коротко, и оттого, имея некоторые факты к осуждению его действий, не отдадут ему должной справедливости даже и в хороших его качествах», — переживал Ивашенцев [ГАРФ. Ф. 109. Оп. 19. Д. 247, ч. 38. Л. 58–59]. В конечном счете, Федор Клингенберг 6 сентября 1859 года был переведен в Вятку, где оставался до января 1863 года.

Весьма любопытную и по-своему трагическую фигуру являл собой астраханский гражданский губернатор Б. В. Струве, сын знаменитого академика-астронома В. Я. Струве [подробнее см.: Рафиенко, 2014, с. 2–13]. Рано начав службу, он в 25 лет уже временно возглавлял Иркутскую губернию, был несколько лет председателем губернского правления [РГИА. Ф. 1284. Оп. 41. 1856 г. Д. 96. Л. 2 об.]. Казалось, столь блестящий успех обещал Струве невероятную карьеру, «однако уже тогда в нем проявилась какая-то склонность, преследовавшая его всю жизнь, попадать в различного рода затруднения. Бернгард Струве, судя по всему, принадлежал к тому разряду людей, которых Достоевский называл “странным типом ‘несчастных’ немцев”, формирующих особый слой населения имперской России. Многие из них, подобно Струве, ревностно работали на благо царя и отечества, но тем не менее чувствовали по отношению к себе непреходящую враждебность, и это ощущение рано или поздно приводило их в состояние глубокой печали». В итоге «коллеги Струве решили “проучить этого немца” и начали строить против него

⁸ Подробнее о работе рязанского Комитета по крестьянскому делу см.: [Повалишин, 1903, с. 304–323 ; Елисеева, 1953, с. 69–124 ; Попов, 1974, с. 58–88].

интриги», которые окончились выходом Струве в отставку в 1855 году, и он какое-то время просто «состоял при МВД» [Пайпс, 2001, с. 18].

Вернувшись на службу уже в 1856 году, Струве получил назначение вице-губернатором в Астрахань, причем о его назначении ходатайствовал лично великий князь Константин Николаевич [РГИА. Ф. 1284. Оп. 41. 1856 г. Д. 96. Л. 2]. Уже через год, в августе 1857-го, Струве был назначен исправляющим должность астраханского губернатора, сохранив при этом за собой пост вице-губернатора. Управлял губернией он успешно, что не осталось незамеченным в Петербурге. В августе 1859 года С. С. Ланской, составляя императору доклад, указал, что Струве уже два года служит вице-губернатором в Астрахани. «Имея в виду, что Струве вполне ознакомился с потребностями тамошнего края», министр просил государя назначить того местным гражданским губернатором, попутно прибавив к уже получаемой Струве надбавке в 1 000 руб. еще столько же [Там же. 1859 г. Д. 93. Л. 55]. 15 августа 1859 года Струве был назначен исправляющим должность астраханского губернатора.

На этом посту он активно участвовал в подготовке и проведении в жизнь крестьянской реформы, уделял внимание развитию морского и речного судостроения и судоходства (отметим, что в 1860 году началось строительство маяков на Каспийском море); немало он содействовал и деятельности акционерных обществ, частных предприятий. Как и другие лицеисты, Струве прекрасно понимал важность и ценность образования: именно при нем в том же 1860 году были открыты женское училище, а также мужская и женская воскресные школы [Карабущенко, 2011, с. 359].

К сожалению, довольно скоро излишняя щепетильность и горячность Струве спровоцировали скандал. Он разгорелся из-за присланного Министерством внутренних дел чиновника, уполномоченного «обревизовать» астраханский Приказ общественного призрения, в деятельности которого столичный гость вскоре выявил нарушения. Разгневанный Струве обратился в министерство с письмом, в котором оправдывал свои действия по управлению губернией, одновременно ругая командированного чиновника за неправильное производство порученного ему следствия с намерением оградить «ложных доносчиков и бесчестных людей от заслуженного наказания» [РГИА. Ф. 1284. Оп. 42. 1861 г. Д. 37. Л. 4–4 об.]. Горячность молодого астраханского губернатора возмутила престарелого министра Ланского: «Неуместные выражения, употребленные в письме, и вообще неприличие тона, в котором оно написано, вынудило министра поставить ст. сов. Струве на вид, что подобное нарушение общепринятых правил приличия в обращении к начальству дает невыгодное понятие о том, каким образом он обращается с лицами, более или менее от него зависящими». Но Ланской, мудрый и гуманный начальник, в конце концов дал понять, что оставит это письмо без последствий лишь потому, что предполагает, что оно написано и отправлено «в минуту увлечения» [Там же].

Казалось, инцидент исчерпан. Но «несчастный немец» не мог успокоиться, чувствуя себя несправедливо обиженным. 22 февраля 1861 года он вновь пишет Ланскому, сетуя, что не только не пользуется доверием министра, но, напротив: «...Мое управление Астраханской губернией возбудило ваше неудовольствие». «При обыкновенных обстоятельствах я бы постарался, хоть со временем, заслужить ваше доверие, но при настоящих обстоятельствах, когда в особенности приведение в исполнение положения о помещичьих крестьянах необходимо, с одной стороны, чтобы начальник губернии в виду народа, вполне был бы облечен доверием правительства и чтобы авторитет его не колебался постоянными слухами о предстоящем или даже совершившимся уже увольнении его от должности; а с другой стороны, чтобы собственное его сознание этого и спокойствие духа дало бы ему потребную определительность и твердость в его действиях и распоряжениях, я не могу не просить ваше высокопревосходительство об увольнении меня от должности...» [РГИА. Ф. 1284. Оп. 42. 1861 г. Д. 37. Л. 1–1 об.]. Через несколько месяцев, 23 апреля 1861 года, ходатайство об отставке было удовлетворено (интересно, что в тот же день был «отставлен» и сам министр Ланской).

Совершенно уникальным можно считать губернаторство в Оренбурге Я. В. Ханькова. Продлилось оно очень недолго, всего 5 лет (1851–1856), но было примечательно тем, что на столь ответственный административный пост назначили блестящего ученого. Яков Ханьков сразу же после выхода из лицея в 1835 году зарекомендовал себя талантливым географом и картографом. Более 15 лет он изучал Сибирь, Среднюю Азию и Персию. В 1851 году Ханьков был избран секретарем Русского географического общества. Его труды на ниве картографии, статистики и географии были отмечены и российскими, и зарубежными наградами. Тем неожиданнее для бывшего лицеиста оказалось назначение в Оренбург в 1851 году. Край, к слову, не чужой для Ханькова: в свое время он

написал статью «Географическое обозрение Оренбургского края» и объемный труд «Обозрение рудного производства частных Оренбургских заводов в 1838 г.». Впрочем, у Ханькова был административный опыт: одно время он состоял правителем канцелярии рижского губернатора Е. А. Головина, а в 1846 году был назначен председателем ревизионной комиссии Министерства внутренних дел, которой было поручено изучить городское устройство и хозяйство Риги и составить проект преобразования этого города.

Став губернатором, Ханьков инициировал в крае научную работу, публикуя много интересных документов в «Оренбургских губернских ведомостях». Причем эта неофициальная часть газеты, по словам историка Оренбуржья П. Н. Столпянского, представляла собой «редкое, почти беспримерное явление в провинциальной литературе» [Матвиевская, 2006, с. 162–166]. Но, к сожалению, губернаторские обязанности отнимали у Ханькова очень много времени, на науку его катастрофически не хватало. Ханьков очень много ездил по губернии с ревизиями, принимал жалобы и прошения. Сам он описывал свой распорядок дня так: «С утра до 3 часов суэта приема, непрерывающийся поток донесений и пр. Затем обед, сон и прогулка, а после — чтение журналов губернского правления, копий приказов моей канцелярии, продолжающееся до вечера, потом сон, и завтра то же самое» [цит. по: Там же, с. 167]. Усердие бывшего лицеиста не прошло незамеченным, и в апреле 1851 года оренбургский губернатор был пожалован в действительные статские советники «за ревностную службу и особые труды» [Там же, с. 171].

Между тем в чиновничьей среде губернатор-ученый, да еще и с лицейским образованием, явно выглядел белой вороной. Открыто против Ханькова не интриговали, но относились к нему настороженно и неприязненно. Хорошо знавший Ханькова востоковед В. В. Григорьев писал: «Если человек по своим понятиям о жизни и службе имеет дерзость не покоряться общему мнению, он непременно, не вмешиваясь в чужие дела, наживает себе массу врагов, которые будут наносить ему оскорбления при всяком удобном случае, оскорбления, хотя и мелкие, но зато постоянные, от которых уйти некуда» [цит по: Веселовский, 1887, с. 111]. Не очень крепкое здоровье Ханькова оказалось совсем расшатано — и из-за работы, и вследствие глухого сопротивления местных чиновников. В 1856 году он вынужденно подал в отставку, вскоре после чего скоропостижно скончался [РГИА. Ф. 1284. Оп. 41. 1856 г. Д. 39]. Правда, еще до своего ухода с губернаторского поста он успел подготовить преемника — своего вице-губернатора, выпускника Училища правоведения Е. И. Барановского, оказавшегося весьма достойной кандидатурой.

Заключение

Начальники губерний с лицейским образованием составляли в середине 1850-х годов относительно небольшую в процентном отношении часть губернаторского корпуса (около 6 %). Их главным отличием от губернаторов предыдущей формации были как иные морально-нравственные установки (обращение с подчиненными и просителями, образ жизни и т. п.), так и полученное образование (которое, впрочем, не стоит идеализировать — вспомним отзыв Я. К. Грота). Из числа тех, кто управлял российскими губерниями в указанный период, выдающимся реформатором можно назвать лишь К. К. Грота. Остальные в большей или меньшей степени старались вносить улучшения в работу подчиненных им ведомств, добиваясь весьма разных результатов. Одни (Беклемишев, Клингенберг) сумели провести кадровую чистку и несколько наладить делопроизводство; другие (Ханьков, Струве) добились меньших результатов — каждый в силу собственных причин. Третьи (Бакунин, Похвиснев, фон Бреверн) вовсе ничем не запомнились, предпочитая не совершать резких движений. В любом случае появление в российском губернаторском корпусе людей с профильным гражданским образованием, воспитанных на высоких идеалах служения обществу, было важным событием. Конечно, стоит согласиться — «узок был их круг» [Соловьёв, 1882, с. 135], и бывшие лицеисты, даже совместно с выпускниками университетов и Училища правоведения, все равно составляли меньшинство среди губернаторов. Однако процесс профессионализации российского чиновничества пошел быстрее, хотя и он, в общем-то, не гарантировал успеха: «На протяжении всего XIX в. царское правительство постоянно улучшало качество подготовки гражданских чиновников. Губернаторский корпус был заметно подвержен влиянию этой тенденции к модернизации. Но назначение в местные администрации более компетентных губернаторов не обязательно вело к сглаживанию противоречий между властью и обществом, не гарантивало оно также слаженной работы звеньев бюрократического аппарата» [Robbins, 1980, p. 560]. Тем не менее появление губернаторов с «профильным» образованием и высокими нравственными установками можно считать очень важной чертой эпохи подготовки Великих реформ.

Список источников

1. Алексушин Г. В. Самарские губернаторы. — Самара : Самарский Дом печати, 1996. — 316 с.
2. Веселовский Н. И. Василий Васильевич Григорьев по его письмам и трудам: 1816–1881. — СПб. : Изд. Имп. Русск. Арх. о-ва, 1887. — 288, 105 с.
3. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). — Ф. 109. — Оп. 1, 19.
4. Гросул В. Я. Лихоимство есть цель всех служащих...: о злоупотреблениях местных властей Рязанской губернии накануне крестьянской реформы 1861 г. // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. «История России». — 2011. — № 1. — С. 18–26.
5. Губернии Российской империи. История и руководители. 1708–1917. — М. : Объединенная ред. МВД России, 2003. — 535 с.
6. Елисеева В. Н. Подготовка крестьянской реформы 1861 года в Рязанской губернии (Рязанский губернский дворянский комитет 1858–1859 гг.) // Ученые записки Рязанского государственного педагогического института. — 1953. — № 11. — С. 69–124.
7. Зайончковский П. А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. — М. : Мысль, 1978. — 288 с.
8. Записки сенатора Я. А. Соловьева о крестьянском деле // Русская старина. — 1882. — Т. XXXVI, окт. — С. 131–154.
9. История рязанской власти. Руководители Рязанского края. 1778–2008. — Рязань : Ряз. обл. тип., 2008. — 519 с.
10. Карабущенко П. Л. Астраханская губерния и ее губернаторы в свете культурно-исторических традиций XVIII–XIX столетий. — Астрахань : Астраханский ун-т, 2011. — 360 с.
11. Кобеко Д. Ф. Императорский Царскосельский лицей, 1811–1843 гг. — СПб. : [Б. и.], 1911. — 553 с.
12. Константин Карлович Грот как государственный и общественный деятель. Материалы для его биографии и характеристики. — Петроград : Тип. М. А. Александрова, 1915. — Т. 1. — 446, 84 с.
13. Кошелев А. И. Записки Александра Ивановича Кошелева (1812–1883 годы). — Берлин : [Б. и.], 1884. — 272, 232 с.
14. Матвиевская Г. П. Яков Владимирович Ханыков, 1818–1862. — М. : Наука, 2006. — 198 с.
15. Могилевский Н. А. Господа губернаторы. — М. : Прометей, 2022. — 880 с.
16. Морякова О. В. Система местного управления при Николае I. — М. : Изд-во МГУ, 1998. — 268 с.
17. Он много сделал для блага Самары. Историко-биографический очерк. — Самара : Офорт, 2014. — 316 с.
18. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). — Ф. F-IV.
19. Пайпс Р. Струве: левый либерал, 1870–1905. — М. : Серии б/м, 2001. — Т. 1. — 549 с.
20. Повалишин А. Д. Рязанские помещики и их крепостные: очерки из истории крепостного права в Рязанской губернии в XIX столетии. — Рязань : Изд. Ряз. арх. комис., 1903. — 386 с.
21. Полное собрание законов Российской империи : в 33 т. — Собр. 1-е. — Т. 31 : 1810–1811. — СПб. : Тип. II. отд. собст. Е. И. В. Канцелярии, 1830. — 944 с.
22. Попов И. П. Поддержка в Рязанской губернии накануне отмены крепостного права либеральной программы по крестьянскому вопросу // Вопросы общественного и социально-экономического развития России в XVIII–XIX веках. — Рязань, 1974. — С. 58–88.
23. Рафиенко Л. С. «Глубоко верую в преемственность идей...» // Московский журнал. — 2014. — № 11. — С. 2–13.
24. Российский государственный исторический архив. — Ф. 1284. — Оп. 41, 42.
25. Селезнёв И. Исторический обзор Императорского бывшего Царскосельского, ныне Александровского лицея за первое его пятидесятилетие. 1811–1861. — СПб. : [Б. и.], 1861. — 524, 201 с.
26. Список гражданским чинам IV класса. Исправлен по 1-е мая 1861 г. — СПб. : Тип. Правительствующего Сената, 1861. — 846, 25 с.
27. Сысоев В. И. Тверской губернатор Александр Павлович Бакуни. — Тверь : ПРЕСТО, 2004. — 350 с.
28. Orlovsky D. T. High officials in the Ministry of internal affairs, 1855–1881 // Russian Officialdom: The Bureaucratization of Russian Society from the Seventeenth to the Twentieth Century. — North Carolina, 1980. — Pp. 254–280.
29. Pintner W. M. Civil officialdom and the nobility in the 1850-s // Russian Officialdom: The Bureaucratization of Russian Society from the Seventeenth to the Twentieth Century. — Pp. 227–249.
30. Robbins R. Choosing the Russian Governors: The Professionalization of the Gubernatorial Corps // The Slavonic and East European Review. — 1980. — Vol. 58, no. 4, Oct. — Pp. 541–560.

References

1. Aleksushin G. V. *Samarskie gubernatory* [Samara Governors]. Samara, Samara Publishing House Publ., 1996, 316 p. (In Russian).

2. Veselovskij N. I. *Vasilij Vasil'evich Grigor'ev po ego pis'mam i trudam: 1816–1881* [Vasily Vasilyevich Grigoryev in his Letters and Works: 1816–1881]. St. Petersburg, Imperil Russian Archive Publ., 1887, 288, 105 p. (In Russian).
3. *Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii* [State Archive of the Russian Federation]. F. 109, Op. 1, 19. (In Russian).
4. Grosul V. Ja. Extortion as all Officials' Aim: on Local Authorities' Abuse in the Ryazan Province before the Emancipation Reform of 1861. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija "Istorija Rossii"* [Bulletin of People's Friendship University of Russia. Russian History series]. 2011, no. 1, pp.18–26. (In Russian).
5. *Gubernii Rossijskoj imperii. Istorija i rukovoditeli. 1708–1917* [Provinces of the Russian Empire. History and Leaders. 1708–1917]. Moscow, United Publishing House of the Ministry of Internal Affairs of Russia Publ., 2003, 535 p. (In Russian).
6. Eliseeva V. N. Preparing the Emancipation Reform of 1861 in the Ryazan Province (Ryazan Province Nobility Committee in 1858–1859. *Uchenye zapiski Rjazanskogo gosudarstvennogo pedagogičeskogo instituta* [Scholarly Notes of Ryazan State Pedagogical Institute]. 1953, no. 11, pp. 69–124. (In Russian).
7. Zajonchkovskij P. A. *Pravitel'stvennyj apparat samoderzhavnoj Rossii v XIX veke* [Government Bodies in Imperial Russia in the 19th Century]. Moscow, Thought Publ., 1978, 288 p. (In Russian).
8. Senator Ya. A. Solovyev's Notes on the Emancipation Reform. *Russkaja starina* [Ancient Russia]. 1882, vol. XXXVI, Okt., pp. 131–154. (In Russian).
9. *Istorija rjazanskoj vlasti. Rukovoditeli Rjazanskogo kraja. 1778–2008* [History of Ryazan Government. Leaders of the Ryazan Region. 1778–2008]. Ryazan, Ryazan Regional Publishing House Publ., 2008, 519 p. (In Russian).
10. Karabushhenko P. L. *Astrahanskaja gubernija i ee gubernatory v svete kul'turno-istoričeskikh tradicij XVIII–XIX stoletij* [The Astrakhan Province and its Governors through the Prism of Cultural and Historical Traditions of the 18th–19th Centuries]. Astrakhan, Astrakhan University Publ., 2011, 360 p. (In Russian).
11. Kobeko D. F. *Imperatorskij Carskosel'skij licej. 1811–1843 gody* [The Imperial Lyceum in Tsarskoye Selo in 1811–1843]. St. Petersburg, 1911, 553 p. (In Russian).
12. Konstantin Karlovich Grot kak gosudarstvennyj i obshhestvennyj dejatel'. *Materialy dlja ego biografii i harakteristiki* [Konstantin Karlovich Grot as a State and Public Figure. Materials for his Biography]. Petrograd, M. A. Aleksandrov Publ., 1915, vol. 1, 446, 84 p. (In Russian).
13. Koshelev A. I. *Zapiski Aleksandra Ivanoviča Kosheleva (1812–1883 gody)* [The Notes of Aleksandr Ivanovich Koshelev (1812–1883)]. Berlin, 1884, 272, 232 p. (In Russian).
14. Matvievskaia G. P. *Jakov Vladimirovič Hanykov, 1818–1862* [Yakov Vladimirovič Khanykov]. Moscow, Science Publ., 2006, 198 p. (In Russian).
15. Mogilevskij N. A. *Gospoda gubernatory* [The Governors]. Moscow Prometheus Publ., 2022, 880 p. (In Russian).
16. Morjakova O. V. *Sistema mestnogo upravlenija pri Nikolae I* [Local Governments during Nicolas I's Reign]. Moscow, Moscow State University Publ., 1998, 268 p. (In Russian).
17. *On mnogo sdelal dlja blaga Samary. Istoriko-biografičeskij očerok* [He Did Much for the Wellbeing of Samara. Historical and Bibliographical Sketches]. Samara, Ofort Publ., 2014, 316 p. (In Russian).
18. *Otdel rukopisej Rossijskoj nacional'noj biblioteki* [The Department of Manuscripts of the Russian National Library]. F. F-IV. (In Russian).
19. Pajps R. *Struve: levyj liberal, 1870–1905* [Struve: the Left-wing Liberal, 1870–1905]. Moscow, BM Series Publ., 2001, vol. 1, 549 p. (In Russian).
20. Povalishin A. D. *Rjazanskije pomeshhiki i ih krepostnye: očerki iz istorii krepostnogo prava v Rjazanskoj gubernii v XIX stoletii* [Ryazan Landlords and their Serfs: Essays on the History of Serfdom in the Ryazan Province in the 19th Century]. Ryazan, Ryazan Archival Committee Publ., 1903, 386 p. (In Russian).
21. *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii : v 33 tomah. Sobranije 1: 1810–1811* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire: in 33 vols. Collection: 1810–1811]. St. Petersburg, Imperial Chancellor Publ., 1830, 944 p. (In Russian).
22. Popov I. P. Support of the Liberal Program in the Ryazan Province before the Emancipation Reform. *Voprosy obshhestvennogo i social'no-jekonomičeskogo razvitija Rossii v XVIII–XIX vekah* [Issues of Social and Economic Development in Russia in the 18th–19th Centuries]. Ryazan, 1974, pp. 58–88. (In Russian).
23. Rafienko L. S. "Believing in the Continuity of Ideas...". *Moskovskij zhurnal* [Moscow Journal]. 2014, no. 11, pp. 2–13. (In Russian).
24. *Rossijskij gosudarstvennyj istoričeskij arhiv* [Ryazan State Historical Archive]. F. 1284, Op. 41, 42. (In Russian).
25. Seleznev I. *Istoričeskij obzor Imperatorskogo byvshego Carskosel'skogo, nyne Aleksandrovskogo liceja za pervoe ego pjatidesjatiletie. 1811–1861* [A Historical Overview of the Imperial Lyceum (the then Tsarskoye Selo Lyceum during the First Five Decades of its Existence). St. Petersburg, 1861, 524, 201 p. (In Russian).
26. *Spisok grazhdanskim činam IV klassa. Ispravlen po 1 maja 1861 goda* [A List of Civil Officials of the 4th Class. Correct till May 1, 1861]. St. Petersburg, Royal Senate Publ., 1861, 846, 25 p. (In Russian).
27. Sysoev V. I. *Tverskoj gubernator Aleksandr Pavlovič Bakuni* [Tver Governor Alexander Pavlovič Bakunin]. Tver, PRESTO Publ., 2004, 350 p.

28. Orlovsky D. T. High officials in the Ministry of internal affairs, 1855–1881. *Russian Officialdom: The Bureaucratization of Russian Society from the Seventeenth to the Twentieth Century*. North Carolina, 1980, pp. 254–280.

29. Pintner W. M. Civil officialdom and the nobility in the 1850-s. *Russian Officialdom: The Bureaucratization of Russian Society from the Seventeenth to the Twentieth Century*. Pp. 227–249.

30. Robbins R. Choosing the Russian Governors: The Professionalization of the Gubernatorial Corps. *The Slavonic and East European Review*. 1980, vol. 58, no. 4, Oct., pp. 541–560.

Информация об авторе

Могилевский Николай Алексеевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры всемирной и отечественной истории факультета международных отношений Московского государственного института международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации.

Сфера научных интересов: история внутренней политики России первой половины XIX века, государственное управление, губернаторский корпус рубежа 1850-х — 1860-х годов.

Information about the author

Mogilevsky Nikolay Alekseyevich — Candidate of History, Associate Professor in the Department of Russian and World History of the Faculty of International Relations at Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation.

Research interests: history of Russian domestic policy in the first half of the 19th century, governors of the 1850s–1860s.

Статья поступила в редакцию 01.02.2022; принята к публикации 03.05.2022.

The article was submitted 01.02.2022; accepted for publication 03.05.2022.